

П. Д. Джеймсу

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Под деревьями царила непроглядная тьма, лишь слабые отблески лунного света проникали сквозь переплетение полуголых ветвей. Землю покрывал толстый ковер опавших листьев. Он приглушал цокот копыт, и потому трудно было сказать, одни ли мы на дороге. Барак уже успел заметить, что я избрал скверный путь; сейчас он что-то бурчал себе под нос, выражая недовольство тем, что по моей милости очутился в подобных дебрях. Я так устал, что не счел нужным ответить. Несчастливая моя спина раскалывалась от боли, а ноги, стиснутые тяжелыми сапогами для верховой езды, затекли и одеревенели. К тому же меня томили тревожные предчувствия; необычное поручение, к выполнению которого нам предстояло приступить в самом скором времени, не выходило у меня из головы. На несколько мгновений я выпустил поводья и нащупал в кармане печать архиепископа, казавшуюся мне заветным талисманом. В ушах зазвучал успокоительный голос Кранмера: «Вам нечего тревожиться, ибо дело это отнюдь не связано с опасностью».

В последнее время на долю мою выпало немало печальных хлопот, ибо шесть дней назад я похоронил в Личфилде своего отца. После похорон мы с Бараком пять дней провели в дороге, следуя на север; лето 1541 года выдалось на редкость дождливым, и вследствие этого дороги пребывали в плачевном состоянии. Край, расстилавшийся вокруг нас, был воистину диким; многие деревни, встречавшиеся на пути, представляли собой скопление ветхих хижин, крытых гнилой соломой; люди ютились там вместе со скотом. Нынешним днем, достигнув Флексби, мы свернули с большой северной дороги. Несмотря на желание Барака провести ночь в трактире, я настоял на том, чтобы продолжить путь. Я напомнил моему спутнику, что времени у нас в обрез: завтра уже двенадцатое

сентября, а нам необходимо достигнуть цели задолго до прибытия короля.

Увы, дорога вскорости превратилась в подобие грязной канавы, и с наступлением сумерек нам пришлось оставить ее, избрав более сухой путь, ведущий на северо-восток. Нас окружали леса и голые поля, где среди желтых полос жнивья копались дикие кабаны.

Лес становился все более густым, и последние несколько часов мы с трудом проталкивались сквозь переплетения ветвей. Дорогу мы потеряли, и теперь в непроглядной тьме найти ее можно было лишь с помощью дьявола. Вокруг царила тишина, нарушаемая лишь шорохом опадающих листьев да треском сучьев, сквозь которые продирался кабан или же дикая кошка. Лошади, нагруженные тяжелыми сумками, утомились не менее нас с Бараксом. Мой гнедой мерин Предок еле переставлял ноги. Сьюки, кобыла Баракса, тоже утратила обычную резвость.

— Из-за вашей неумности мы заблудились, — буркнул мой спутник.

— В трактире нам сказали, что дорога тянется через весь лес, — ответил я. — Так или иначе, скоро наступит рассвет, и тогда мы пойдем, где находимся.

— У меня такое чувство, будто нас занесло в Шотландию, — заявил Баракс. — Того и гляди, из зарослей выскочат разбойники и схватят нас, надеясь получить выкуп.

Я не удостоил его ответом, ибо подобные жалобы успели изрядно мне надоесть. Мы продолжили путь в молчании.

Мысли мои вернулись к похоронам отца. Перед внутренним взором вновь возникла разверстая могила, в которую опускали гроб. Несколько провожающих на тихом кладбище, и среди них — моя кузина Бесс. Именно она, принеся отцу завтрак, обнаружила его мертвым в постели.

— Я горько сожалею о том, что не знал, как тяжело был болен отец, — сказал я Бесс, когда мы вернулись с кладбища на ферму. — Если бы вы сообщили мне об этом, я не замедлил бы приехать и был бы рядом с ним в последние дни.

— Вы живете в Лондоне и давненько здесь не показывались. — Она покачала головой, и в глазах мелькнул укор.

— В последнее время мне пришлось нелегко, Бесс, — попытался оправдаться я. — Но напиши вы о болезни отца, я непременно приехал бы.

— Вашего батюшку подкосила смерть старого Уильяма Поэра, — со вздохом сказала Бесс. — С помощью управляющего ему удавалось получать с фермы хоть какой-то доход, а когда он остался один, у него опустели руки. Я много раз советовала ему написать вам, однако он отвечал отказом.

Помолчав, она добавила:

— Господь ниспослал нам тяжкие испытания. В прошлое лето стояла страшная засуха, а в нынешнее разразился настоящий потоп. Полагаю, батюшка ваш очень переживал о том, что хозяйство приносит ему одни убытки. Поэтому лихорадка одолела его с такой легкостью.

Я молча кивнул. Известие о том, что ферма, на которой я провел свои детские годы, ферма, ныне ставшая моей собственностью, погрязла в долгах, явилось для меня неприятной неожиданностью. Возраст моего отца приближался к семидесяти, Уильям, его управляющий, был немногим моложе. Разумеется, людям столь преклонных лет трудно было вести хозяйство, к тому же последние несколько урожаев оказались чрезвычайно скудными. Для того чтобы свести концы с концами, отец заложил ферму одному богатому землевладельцу из Личфилда. Я узнал об этом лишь после смерти отца. Заимодавец не замедлил написать мне, что стоимость земли вряд ли способна покрыть долг. Подобно многим сельским дворянам в те времена, он изыскивал все возможности, чтобы расширить собственные пастбища, и под непомерные проценты ссужал деньгами обедневших фермеров, рассчитывая завладеть их полями.

— Этот сэр Генри — настоящий кровопийца, — с горечью пожаловался я кузине.

— Что вы намерены делать? — осведомилась она. — Уступите ему ферму?

— Ни за что. Подобный поступок ляжет пятном на память отца. Я выплачу долги.

«Бог свидетель, сделав это, я лишь в малой степени выполню свой сыновний долг перед усопшим», — мысленно добавил я.

— Рада слышать это, — улыбнулась Бесс.

Беспокойное ржание Предка заставило меня вздрогнуть и очнуться от размышлений. Барак, натянув поводья, остановил свою лошадь. Я последовал его примеру, неловко повернувшись в седле. Начало светать, и теперь я лучше мог разглядеть и лицо своего спутника, и очертания окружавших нас деревьев.

— Поглядите! — воскликнул Барак.

В том направлении, куда он указывал, деревья расступались, и вдалеке я увидел какую-то красную точку, сверкавшую в светлеющем небе.

— Наконец-то! — испустил я вздох облегчения. — Наверняка это та самая лампа, о которой нам говорили в харчевне. Ее установили на церковном шпиле для того, чтобы указывать путникам дорогу. Значит, я был прав, и мы действительно в Галтрес-Форесте!

Мы выехали из леса на открытую местность. С реки долетали порывы пронзительного ветра, небо становилось все светлее. Мы плотнее закутались в дорожные плащи и двинулись в сторону Йорка.

Главная дорога, ведущая в город, была сплошь забита лошадьми и повозками, груженными самой разнообразной провизией. Во множестве встречались и огромные телеги лесников, с которых свисали исполинских размеров бревна. Вскоре перед нами возникли потемневшие от времени городские стены, над которыми вздымались шпили бесчисленных церквей. Выше всех парили две башни Йоркского кафедрального собора.

— Ну и толчея здесь сегодня, — заметил я, повернувшись к Бараку. — В точности как в Чипсайде в базарный день.

— Как же иначе, — усмехнулся Барак. — Королевская свита на редкость прожорлива.

Движение на дороге было столь напряженным, что мы продвигались со скоростью пешеходов. Время от времени я искал поглядывал на своего спутника. Прошел год с того дня, когда я предложил Джеку Бараку поступить ко мне на службу и стать помощником барристера. Прежний его патрон окончил свои дни на плахе, и Барак с готовностью принял мое предложение. В прошлом этот молодой человек, выросший на городских улицах, выполнял тайные поручения Томаса Кромвеля. Вне всякого сомнения, он не слишком подходил для того, чтобы служить помощником законника; впрочем, ума и сообразительности ему было не занимать, и на свою удачу, он получил начатки образования. Теперь, по прошествии года, я ничуть не сожалел о своем выборе. Барак отлично справлялся с новыми обязанностями и проявил немалое рвение, изучая законы. Когда речь шла о том, чтобы отыскать нужного свидетеля или же выявить некие скрытые факты, Барак воистину

не знал себе равных. Отношение его к юриспруденции и судопроизводству оставалось весьма циничным и недоверчивым, но это даже шло на пользу делу, ибо сам я нередко грешил излишним прекраснодушием.

Однако в последние несколько месяцев Барак, судя по всему, пребывал в наилучшем расположении духа. Нередко он, забываясь, позволял себе грубые выпады и насмешки, которыми изрядно досаждал мне на первых порах нашего знакомства. Я полагал, что виной тому служит непривычное для Джека однообразие жизни, и рассчитывал, что поездка в Йорк заставит его встряхнуться. Но тут выяснилось, что, подобно многим уроженцам столицы, мой помощник исполнен самых нелепых предубеждений против севера Англии и его жителей. Как я уже упоминал, почти всю дорогу он беспрестанно сетовал, проклиная судьбу, забросившую его в подобную глушь. Ныне, на подступах к городу, Барак подозрительно оглядывался, словно ожидая подвоха.

По сторонам дороги начали появляться дома. Справа от нас оказалась древняя зубчатая стена, над которой поднимался высоченный шпиль. По навесной дорожке вдоль стены расхаживали солдаты, облаченные в железные шлемы и белые плащи, на которых красовались красные кресты королевских лучников. Впрочем, вооружены они были вовсе не луками и стрелами, а мечами и копьями весьма грозного вида. В руках у некоторых я заметил даже длинные фитильные ружья. Из-за стены доносился стук множества топоров и молотков.

— Полагаю, это и есть аббатство Святой Марии, где мы остановимся, — сказал я. — Судя по шуму, приготовления к приезду короля идут здесь вовсю.

— Мы заедем сюда, чтобы оставить поклажу? — спросил Барак.

— Нет, — покачал я головой. — Прежде всего мы должны повидать брата Ренна. А после отправимся напрямик в замок.

— Увидеть узника? — вполголоса осведомился Барак.

— Да.

— Аббатство неплохо охраняется, — заметил Барак, скользнув взглядом по многочисленным стражникам.

— Король отнюдь не уверен, что является желанным гостем. После того что недавно здесь произошло, никакие меры предосторожности не будут лишними.

Я говорил совсем тихо, однако обрывки нашего разговора, как видно, долетели до человека, шедшего впереди рядом с лошадью, груженной мешками с зерном. Обернувшись, он бросил на нас любопытный взгляд. Барак недоуменно вскинул брови, и незнакомец поспешно отвернулся.

«Вполне может быть, это один из осведомителей Совета северных графств, — отметил я про себя. — Вне всякого сомнения, в Йорке их сейчас великое множество».

— Думаю, вам лучше надеть мантию стряпчего, — заявил Барак, оглядываясь по сторонам.

На фоне серого утреннего неба темнели силуэты башен кафедрального собора. Около огромных ворот теснились повозки и всадники, желавшие попасть внутрь. Сразу за воротами стена аббатства под прямым углом соединялась с городской стеной. Перед нами предстала массивная сторожевая башня, на которой красовался герб Йорка — пять белых львов на красном поле. Здесь стражников стало еще больше. Все они были облачены в стальные латы и шлемы и вооружены копьями.

— Я слишком устал, чтобы распаковывать дорожную сумку, — ответил я, похлопав себя по карману. — Письмо камергера, подтверждающее наши полномочия, у меня здесь.

Печать архиепископа, находящуюся в том же кармане, следовало показать лишь одному человеку.

Мы медленно продвигались вперед. Внезапно моим глазам открылось отвратительное зрелище: четыре отрубленные головы на шестах. Вид этих голов, почерневших, гниющих и объеденных воронами, заставил меня содрогнуться. Впрочем, я знал, что при въезде в город мне предстоит увидеть нечто подобное. Ни для кого не являлось тайной, что нынешней весной в Йорке был разоблачен заговор, двенадцать мятежников казнены, а их головы и отрубленные конечности выставлены у городских ворот в назидание всем прочим.

У ворот образовалась длинная очередь, вынудившая нас остановиться. Лошади наши повесили головы от усталости. Стражники, преградив путь какому-то бедно одетому человеку, грубо спрашивали, что ему понадобилось в городе.

— Хоть бы этот парень ворочал языком поживее, — прошептал Барак. — Я умираю с голоду.

— В этом я не сомневаюсь, — усмехнулся я. — Идемте, настал наш черед.

Один из стражников схватил Предка под уздцы, а второй осведомился, что за нужда привела меня в Йорк. В речи его ощущался заметный южный акцент, суровое грубоватое лицо избородили глубокие морщины. Я показал ему письмо, подтверждающее мои полномочия.

— Так вы королевский стряпчий? — недоверчиво спросил стражник.

— Именно так. А это мой помощник. Мы прибыли в Йорк, дабы помочь городским властям должным образом подготовиться к приезду его величества.

— Да, здесь неплохо бы навести порядок.

Вернув мне письмо, стражник отступил на шаг, освобождая путь. Проезжая под навесной башней, я вновь содрогнулся, увидев прибитый к воротам бесформенный кусок гниющей плоти, над которым кружился целый рой мух.

— Вот и все, что осталось от мятежников, — изрек Барак, и губы его искривила гримаса отвращения.

— Да, — проронил я и склонил голову, не в силах более выносить подобного зрелища.

Мною овладела мысль о том, как запутаны дороги судьбы. Если бы не заговор, раскрытый нынешней весной, я никогда не оказался бы в Йорке. Более того, король не предпринял бы своего путешествия на север, обставленного с небывалой торжественностью.

Наконец мы миновали ворота, и лошади, громко цокая копытами по булыжной мостовой, понесли нас в город.

Сразу за крепостной стеной начиналась узкая улица, застроенная трехэтажными домами с выступающими карнизами. Здесь было множество лавок, напротив которых громоздились прилавки, заваленные всякой всячиной; торговцы, сидя на деревянных чурбанах, зазывали покупателей. Несмотря на это, Йорк отнюдь не производил впечатления богатого и процветающего города. В большинстве своем дома требовали ремонта, на их обшарпанных стенах зияли глубокие трещины, а грязную мостовую покрывали бесчисленные выбоины. Толпа, снующая туда-сюда, изрядно затрудняла движение. Я знал, что мастер Ренн, подобно всем городским стряпчим высшего разряда, проживает в квартале, прилегающем к собору. Найти туда дорогу не составляло труда, ибо башни, возвышавшиеся над городом, служили надежным ориентиром.

— Я умираю с голоду, — вновь завел свою песню Барак. — Прежде чем приступить к делам, неплохо бы перекусить.

Перед нами возникла еще одна стена. На мой вкус, в Йорке было слишком много стен. За ней виднелась громада собора. Впереди расстилалась широкая площадь, сплошь заставленная рыночными прилавками; прохладный влажный ветер раздувал их яркие парусиновые навесы. Деловитые хозяйки, подметавшие площадь широченными юбками, с напускным презрением разглядывали товары и препирались с торговцами и ремесленниками, одежду которых украшали гербы различных гильдий. Чумазные дети и облезлые собаки высматривали, не удастся ли поживиться лакомым кусочком. Приглядевшись к жителям города, я заметил, что в большинстве своем они носят грубые башмаки на деревянной подошве, а одежду их покрывают многочисленные заплаты. Увидел я и нескольких стражников, облаченных в плащи с городским гербом. Стоя чуть в стороне, они наблюдали за порядком.

Внимание мое привлекла группа высоких светловолосых парней, которые с помощью оглушительно лаявших собак гнали к рынку стадо овец с диковинными черными мордами. Я с любопытством разглядывал обветренные лица и толстые шерстяные куртки погонщиков; судя по всему, они принадлежали к числу легендарных жителей долин, которые пять лет назад составили ядро мятежа. Отвернувшись, я перевел взгляд на ворота соборного квартала, в которые то и дело входили священники в черных сутанах и монахи в коричневых плащах с капюшонами.

Барак, не теряя времени даром, подъехал к прилавку, где продавалась свежая выпечка. Не слезая с лошади, он осведомился, сколько стоят два пирога с бараниной. Торговец, как видно сбитый с толку лондонским акцентом Барака, в недоумении уставился на него.

— Вы что, с юга? — не слишком любезно буркнул он.

— Да. И мы чертовски проголодались. Сколько стоят два пирога с бараниной? — вновь спросил Барак, выговаривая каждое слово чуть ли не по слогам.

— Что это ты крикаешь, как селезень? — проворчал торговец, злобно сверкнув глазами. — Или у вас на юге все так разговаривают?

— А у вас на севере все вместо человеческих слов издают какой-то скрежет, словно водят ножом по сковородке? — не остался в долгу мой помощник.

Двое дюжих овцеводов из долины, которые как раз проходили мимо, остановились и прислушались к вспыхнувшей перепалке.

— Этот южный пес слишком громко тьякает, — заявил один, обращаясь к торговцу.

Второй, не тратя слов, схватил Сьюки под уздцы здоровенной мозолистой рукой.

— А ну пошли прочь, олухи деревенские! — угрожающе процедил Барак.

— Заткнись, грязный пес! — выпалил один из овцеводов, и лицо его исказила ярость.

Я был поражен тем, что пустяковое столкновение вызвало у него столь бурные чувства.

— Видно, ты думаешь, раз сюда собрался жирный Генри, ты можешь помыкать нами как вздумается. Да только не на тех напал.

— Чем болтать языком, поцелуй лучше мою задницу, — изрек Барак, не привыкший глотать оскорбления.

Рука овцевода потянулась к мечу. Барак схватился за ножны. Я поспешно направил лошадь прямо в толпу, продираясь к дебоширам.

— Примите мои извинения, господа, — произнес я умиротворяющим голосом, хотя сердце бешено колотилось. — Мой помощник вовсе не хотел вас обидеть. Мы проделали длинный путь, очень устали и...

— Э, да ты служишь горбуну? — насмешливо обратился к Бараку овцевод, скользнув взглядом по моей невзрачной фигуре. — Уж наверняка вы с хозяином пожаловали сюда, чтобы вытянуть у нас последние денежки.

Он вновь потянулся за мечом, однако острое пики, внезапно упершееся забияке в грудь, заставило его остановиться. Два стражника, заметив назревающую стычку, поспешили ее предотвратить.

— Бросить оружие! — скомандовал один, по-прежнему прижимая пику к груди овцевода.

Товарищ его точно так же поступил с Баракком. Вокруг начали во множестве собираться зеваки.

— Что это вы здесь затеяли? — рявкнул стражник.

— Южанин набросился на пирожника с руганью! — выкрикнул кто-то из толпы.

Стражник, дородный мужчина средних лет, удовлетворенно кивнул.

— Да, южане скверно воспитаны, — изрек он, смерив Барака пронзительным взглядом. — От них только и жди всяких непотребных выходов.

Толпа встретила его слова одобрительным смехом. Кто-то даже захолопал в ладоши.

— Мы всего лишь хотели купить пару вонючих пирогов, — процедил Барак.

— Продай ему пироги, — обернулся стражник к торговцу.

Тот послушно вручил Бараку два пирога с бараниной.

— Шесть пенсов.

— Что? — ушам своим не поверил Барак.

— Шесть пенсов, — повторил торговец более громко и отчетливо.

— За два жалких пирога? — спросил Барак, у которого глаза на лоб полезли от удивления.

— Заплати ему, — приказал стражник.

Барак медлил, не в силах смириться со столь грабительской ценой. Я поспешно протянул торговцу две монеты. Тот с подчеркнуто недоверчивым выражением попробовал каждую на зуб, прежде чем опустить в карман.

— А теперь, сударь, убирайтесь, да поживее, — произнес стражник, нагнувшись ко мне. — И на досуге поучите своего помощника хорошим манерам. Вы ведь не хотите попасть в неприятную переделку перед самым приездом короля, правда? — добавил он, многозначительно вскинув брови.

Провожаемые пронзительным взглядом стражника, мы с Бараксом подъехали к воротам соборного квартала. С трудом спешившись, привязали лошадей и опустили на деревянную скамью, стоявшую у самой стены.

— Господи боже, ноги у меня так затекли, что я их почти не чувствую, — пожаловался Барак.

— Мои ноги чувствуют себя ничуть не лучше, — откликнулся я, умолчав о том, что несчастная моя спина раскалывается от боли.

Барак откусил огромный кусок от злополучного пирога.

— Недурственно, — промычал он с набитым ртом.

В голосе его звучало откровенное удивление.

— Послушайте, Барак, вам следует быть осмотрительнее, — сказал я, понизив голос. — Не распускайте язык и никого не зади-

райте попусту. Вы уже имели возможность убедиться, что местные жители, мягко говоря, не питают к нам дружеских чувств.

— То же самое могу сказать и о себе, — проворчал Барак. — Здешние мужланы успели мне осточерть.

Он еще раз откусил от пирога и бросил угрожающий взгляд в сторону ворот.

— Тем не менее, Барак, вам следует держать себя в узде, — произнес я непререкаемым тоном. — Мы прибыли сюда для того, чтобы предотвратить всякого рода осложнения, а не для того, чтобы создавать новые. Если вы не умерите свой вздорный нрав, здешние жители наверняка не откажут себе в удовольствии хорошенько вас выпотрошить. Но это еще полбеды. Своим поведением вы поставите королевский визит под угрозу. Или вы добиваетесь именно этого?

Барак угрюмо молчал, глядя себе под ноги.

— Какая муха вас укусила? Я-то ведь прекрасно знаю, что на самом деле вы вовсе не такой уж неотесанный грубиян и, когда пожелаете, можете держать себя в рамках приличий. Но в последнее время с вами не стало никакого сладу. Чего стоила одна ваша выходка с судьей Джексон! Зачем вам понадобилось обзывать его старым слепым кротом? Да еще так громко, что он все услышал.

— Вы сами знаете, старик это заслужил, — ответил Барак, и на губах его мелькнула хорошо знакомая мне язвительная усмешка. — Его следовало обозвать куда как похлеще. Я воздержался от крепких словечек лишь из уважения к его почтенным летам.

Но мне было вовсе не до шуток.

— Что с вами происходит, Джек? — спросил я, устремив на своего помощника внимательный взгляд.

— Ровным счетом ничего, — пожал плечами Барак. — Просто наше затянувшееся путешествие изрядно меня утомило. И я не был готов к встрече с подобными дикарями. Но мне очень жаль, что я доставил вам лишние хлопоты, — добавил он, взглянув мне прямо в лицо. — Впредь я постараюсь этого не делать.

Я знал, что извинения даются Бараку чрезвычайно трудно, и потому поспешил кивнуть в знак того, что вполне ими удовлетворен. Однако я не сомневался, что причина скверного настроения моего помощника кроется не только в неприязни, которую возбуждали в нем север и северяне. В задумчивости я принялся жевать свой пирог. Барак окинул изучающим взглядом торговую площадь.

— Похоже, народ здесь живет из рук вон плохо, — заметил он.

— Да, торговля в этих краях не особенно процветает, — кивнул я. — А уничтожение монастырей только ухудшило ситуацию. Раньше большая часть здешних земель принадлежала монастырям. Окажись мы здесь года четыре назад, наверняка увидели бы в толпе множество монахов.

— С этим покончено.

Сказав это, Барак отправил в рот последний кусок пирога, так что я не понял, что именно он имел в виду.

— Идемте отыщем брата Ренна, — сказал я, с усилием поднимаясь со скамьи. — Он даст нам необходимые указания.

— Как вы думаете, нам удастся увидеть короля? — неожиданно спросил Барак. — Рассмотреть его как следует?

— Это вполне возможно, — ответил я.

Барак надул щеки. Я с удовлетворением отметил про себя, что подобная перспектива внушает благоговейный трепет не только мне, но и моему острому на язык помощнику.

— Кстати, короля сопровождает один из наших давних врагов, встреча с которым нам вовсе ни к чему.

— О ком это вы? — резко повернулся ко мне Барак.

— О сэре Ричарде Риче. Он прибудет сюда вместе с королем и Тайным советом. Об этом сообщил мне Кранмер. Так что, повторяю, будьте осмотрительны. Старайтесь не привлекать излишнего внимания. Помните, по возможности нам следует держаться в тени.

Мы отвязали лошадей и, взяв их под уздцы, подошли к воротам. Очередной стражник, вооруженный копьем, преградил нам путь. Я вновь извлек из кармана письмо, и бдительный охранник опустил оружие, пропуская нас. Мы оказались за стеной, и величественный собор открылся нам во всей красе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Ну и громадина, — выдохнул Барак.

Перед нами расстилалась просторная площадь, окруженная зданиями, которые в сравнении с собором казались маленькими и жалкими.

— Это самый большой собор на севере, — пояснил я. — По высоте он почти не уступает собору Святого Павла.

Взглянув на исполинские двери, увенчанные затейливо украшенной готической аркой, я увидел на крыльце несколько человек, по виду состоятельных купцов, которые оживленно о чем-то разговаривали. Ниже, на ступеньках, устроились многочисленные нищие с чашами для подаяния. Мне не терпелось заглянуть внутрь собора, однако прежде всего необходимо было отыскать брата Ренна. Мы и так слишком задержались в пути. Припомнив данные мне объяснения, я направился напрямик к дому, над дверями которого красовался королевский герб.

— Это где-то рядом, — бросил я, обернувшись к Бараку.

Стараясь не поскользнуться на опавших листьях, мы пересекли соборную площадь.

— А что за птица этот брат Ренн? — поинтересовался Барак.

— Мне известно лишь, что он один из самых уважаемых стряпчих в Йорке и в ведении его находится немало официальных дел, — ответил я. — Полагаю, что это человек весьма почтенного возраста.

— Надеюсь, не настолько почтенного, чтобы впасть в старческое слабоумие, — усмехнулся Барак.

— Уверен, ваши опасения безосновательны. В противном случае брату Ренну не доверили бы разбирать прошения, поданные королю.

Мы подошли к ряду старых домов, теснящихся вплотную друг к другу. Следуя полученным указаниям, я подошел к тому, что стоял на углу. Дом оказался высоким и очень древним на вид. Я постучал. Раздались шаркающие шаги, дверь распахнулась, и перед нами предстала женщина довольно преклонных лет. Круглое морщинистое лицо ее обрамлял белоснежный чепец. Она неприветливо уставилась на незнакомцев.

— Что вам угодно?

— Это дом мастера Ренна? — спросил я.

— А вы что, из Лондона?

Я слегка вскинул бровь, давая понять, что не привык к столь неучтивому обращению.

— Да. Меня зовут Мэтью Шардлейк. А это мой помощник, мастер Барак.

— Мы ждали вас вчера. Бедный мой хозяин очень беспокоился.

— Мы сбились с пути, когда ехали через лес.

— А, понятно, — протянула она. — Вы не первые, с кем случилась такая беда.

— Мы очень устали. И наши лошади тоже, — добавил я, указывая на понуривших головы животных.

— Откровенно говоря, мы с ног валимся от усталости, — вставил Барак.

— Входите в дом. Я прикажу мальчику отвести лошадей в конюшню, почистить и покормить их.

— Это весьма любезно с вашей стороны.

— Мастер Ренн ушел по делам, но он скоро вернется, — сообщила старуха. — Я так думаю, вы не прочь перекусить.

— Вы совершенно правы, — сказал я.

Пирог, который я проглотил, действительно был недурен на вкус, однако лишь распалил мой голод.

Старуха повернулась и, медленно шаркая, провела нас в гостиную, обставленную в старинном стиле. Очаг, в котором горело несколько поленьев, находился прямо в центре комнаты; дым лениво поднимался к отверстию, зиявшему посреди черных стропил. Серебряные тарелки, красовавшиеся на буфете, были начищены до блеска, однако занавеси на окнах и скатерть на столе посерели от пыли. На жердочке поблизости от огня восседал серый сокол,

скосивший на нас свой хищный взгляд. Повсюду: на стульях, на дубовых шкафах, даже на полу — высились груды книг, готовые вот-вот обрушиться. Ни в одном доме, за исключением, разумеется, библиотек, мне не доводилось видеть такого количества книг.

— Вижу, ваш хозяин любит читать, — сказал я.

— Что верно, то верно, — откликнулась старая служанка. — Пойду принесу вам похлебки.

Она зашаркала прочь.

— Мы не отказались бы выпить пива! — крикнул я ей вслед.

Барак меж тем плюхнулся на скамью, покрытую толстой овечьей шкурой и заваленную подушками. Я взял в руки один из увесистых томов в кожаном переплете и, открыв его, удивленно вскинул брови.

— Госпожи боже! Это одна из старинных книг, переписанных монахами. С иллюстрациями, сделанными вручную.

Я пролистал несколько страниц. Передо мной и в самом деле была старинная копия «Истории» Бида, переписанная каллиграфическим почерком и снабженная восхитительными иллюстрациями.

— А я думал, все монастырские книги оказались в кострах, — протянул Барак. — Этот ваш Ренн напрасно держит их на виду. Так можно навлечь на свою голову крупные неприятности.

— Да, ему следует быть осторожнее, — согласился я, опуская книгу на место. — Итак, мы с вами выяснили, что брат Ренн не относится к числу сторонников реформы. И держит у себя домоправительницу, которая явно пренебрегает своими обязанностями, — добавил я, закашлявшись от пыли.

— Да, старушенция не слишком утруждает себя уборкой, — заявил Барак, удобно устраиваясь на подушках. — Но как знать, может, она не просто служанка. Если это так, Ренн обладает довольно странным вкусом.

Я опустил в кресло и вытянул усталые ноги. Глаза мои закрывались сами собой. Но тут в комнату вошла домоправительница с подносом, на котором стояли две дымящиеся тарелки с похлебкой и две кружки пива. Мы с Бараксом с пылом набросились на еду. Гороховая похлебка оказалась пресной и невкусной, но тем не менее нам удалось наконец утолить голод. Насытившись, Барак вновь развалился на скамье и закрыл глаза. Я уже хотел растол-

кать его, ибо спать в гостиной чужого дома было верхом неучтивости. Однако у Барака был такой утомленный вид, что я отказался от своего намерения. В комнате было тепло и уютно, огонь тихонько потрескивал, уличный шум почти не проникал сквозь застекленные окна. Веки мои налились неодолимой тяжестью, рука вновь потянулась к карману, нащупав печать архиепископа Кранмера. Мысленно я унесся на две недели назад, к самому началу той цепи событий, что привели меня в Йорк.

В последний год на долю мою выпало множество бед и неприятностей. После падения Томаса Кромвеля водить знакомство с бывшими его сторонниками стало небезопасно; именно поэтому многие клиенты сочли за благо отказаться от моих услуг. К тому же я нарушил давнюю традицию, ибо, представляя интересы лондонского Городского совета, выступил в суде против своего собрата по корпорации. Стивен Билкнэп по праву заслужил звание величайшего мошенника из всех, кого когда-либо носила земля, тем не менее многие законники сочли подобное нарушение сословной солидарности недопустимым и более не желали со мной сотрудничать. Положение усугублялось тем, что Билкнэп имел весьма влиятельного покровителя. За его спиной стоял сам сэр Ричард Рич, глава Палаты перераспределения монастырского имущества.

В начале сентября я получил известие о смерти отца. Несколько дней спустя, пребывая в состоянии самой глубокой печали и мучаясь сознанием собственной вины, я вошел в свою контору и встретил обеспокоенный взгляд Барака.

— Сэр, мне надо безотлагательно с вами поговорить.

Джек многозначительно посмотрел на моего клерка Скелли, который, посверкивая очками, сосредоточенно переписывал бумаги. Барак кивнул в сторону моего кабинета. Войдя туда вслед за ним, я плотно закрыл дверь.

— С утра пораньше сюда приходил посыльный, — взволнованным шепотом сообщил Барак. — Из дворца Ламбет. Архиепископ Кранмер желает вас увидеть. Сегодня, в восемь часов вечера.

— А я-то надеялся, что сильные мира сего более никогда не заинтересуются моей скромной персоной, — вздохнул я, тяжело опускаясь в кресло.

Беспокойство Барака передалось мне в полной мере. Ни для кого не являлось секретом, что прежде мы оба работали на Кромвеля и ныне не испытывали недостатка в могущественных врагах.

— Как вы полагаете, какими последствиями чревато подобное приглашение? — обратился я к Бараку. — Возможно, до вас дошли какие-нибудь слухи?

Мне было известно, что помощник мой по-прежнему поддерживает связь со многими придворными осведомителями.

— Я ничего не знаю, — покачал головой Барак. — За исключением того, что никакая опасность нам не грозит. Так, по крайней мере, меня заверили.

В тот день мне так и не удалось сосредоточиться на делах. Я рано оставил контору и направился домой, намереваясь пообедать. Я уже подходил к воротам Линкольнс-Инн, когда заметил, что навстречу мне движется какая-то высокая тощая фигура в шелковой мантии и круглой шапочке, из-под которой выбиваются светлые кудри. То был Стивен Билкнэп, самый алчный и бесчестный законник из тех, кого мне когда-либо доводилось встречать. Он ответил мне преувеличенно почтительный поклон.

— Приветствую вас, брат Билкнэп, — ответил я, не считая нужным нарушать бытующие в нашей корпорации правила учтивости.

— Я слышал, брат Шардлейк, что дата слушания нашего дела в суде лорд-канцлера еще не назначена, — произнес Билкнэп. — Они не слишком торопятся.

Пройдоха сокрушенно покачал головой, хотя я прекрасно понимал, что проволочки ему только на руку. Дело касалось имущества небольшого монастыря, расположенного неподалеку от Крипплгейта. После упразднения монастыря Билкнэп приобрел его здания и превратил их в дешевое жилье, лишненное устроенных должным образом выгребных ям. В результате нестерпимая вонь досаждала не только обитателям бывшего монастыря, но и жителям соседних домов. В судебном порядке нам предстояло решить, имел ли Билкнэп право на приобретение монастырских зданий или, согласно существующим постановлениям, они являются собственностью Городского совета. Изворотливого стряпчего поддерживал сам Ричард Рич, который, являясь главой Палаты перераспределения монастырского имущества, был весьма заинтересован в исходе процесса. Если бы мне удалось доказать, что Билкнэп нарушил за-

кон, продажная цена бывших монастырских владений неминуемо упала бы.

— Я обращался в контору Шести клерков с просьбой объяснить, в чем причины подобной проволочки, однако не сумел добиться вразумительного ответа, — сообщил я Билкнэпу.

В контору Шести клерков я посылал Барака, который при желании мог нагнать страху на кого угодно. Помощник мой ходил туда несколько раз и, вне всякого сомнения, проявил всю свою напористость, но не сумел добиться результата.

— Возможно, ваш друг Ричард Рич знает, в чем дело.

Сказав это, я тут же пожалел о своих словах, ибо открыто выступать против всемогущего главы Палаты перераспределения отнюдь не входило в мои планы. Положение мое было таково, что каждый неверный шаг грозил самыми печальными последствиями.

— Ох, брат Шардлейк, ваша дерзость не доведет вас до добра, — укоризненно покачал головой Билкнэп. — Любопытно, что на это скажут в совете корпорации?

Мне оставалось лишь прикусить язык и пробормотать:

— Прошу меня извинить. Беру свои слова обратно.

— Принимаю ваши извинения, брат, — милостиво произнес Билкнэп и расплылся в широкой улыбке, обнажившей гнилые желтые зубы. — Когда у человека есть веские основания тревожиться о собственном будущем, самообладание и сдержанность нередко изменяют ему.

С этими словами он вновь отвесил поклон и удалился. Я проводил прохожих глазами, борясь с отчаянным желанием наградить его пинком под зад.

После обеда я облачился в мантию стряпчего и, спустившись к реке, нанял лодку, которая доставила меня к дворцу Ламбет. В это лето в Лондоне царила непривычная тишина, ибо король вместе со всем двором путешествовал по северным графствам. Минувшей весной в столицу пришла весть о том, что в Йоркшире назрел очередной мятеж, к счастью пресеченный на корню. Именно тогда король и решил посетить северную часть страны, дабы укрепить верноподданнические чувства ее обитателей. По слухам, известие о новом восстании не на шутку встревожило и самого монарха, и его ближайших советников. Надо признать, тревога эта

была отнюдь не безосновательна. Пять лет назад север Англии отказался принять церковные реформы. Армия «Благодатного паломничества», как называли себя повстанцы, насчитывала более тридцати тысяч человек и представляла собой серьезную угрозу. Для того чтобы усмирить мятежников, королю пришлось раздавать ложные обещания и, воспользовавшись полученной отсрочкой, собрать собственную армию и нанести сокрушительный удар. Восстание было потоплено в крови, однако с тех пор состояние умов на севере внушало королю серьезные опасения.

На протяжении всего июня придворные поставщики сновали по Лондону, опустошая продуктовые лавки и склады, ибо свита, в сопровождении которой король собирался на север, насчитывала более тысячи человек. Трудно было представить, как будет передвигаться кортеж, численность которого не уступает населению маленького городка. В последних числах июля двор наконец отбыл. По слухам, вереница повозок растянулась более чем на милю. Дождливое лето продолжалось, но Лондон после отъезда короля, казалось, погрузился в дрему.

Лодка проплыла мимо башни Лоллард, расположенной в северном конце дворца Ламбет; в сумерках я разглядел освещенное окно тюрьмы на самом верху башни. Там содержались еретики, арестованные по приказу архиепископа. В Лондоне окно тюрьмы называли глазом Кранмера. Лодка причалила у Большой лестницы. Стражник провел меня через внутренний двор в Большой холл и оставил в одиночестве.

Коротая минуты ожидания, я принялся разглядывать великолепный мозаичный потолок. Неслышно переступая, ко мне приблизился клерк, облаченный в черную мантию.

— Архиепископ ожидает вас, — тихо произнес он.

Вслед за клерком я углубился в лабиринт тускло освещенных коридоров; тростниковые циновки приглушали наши шаги.

Наконец я оказался в тесном кабинете с низким потолком. Томас Кранмер восседал за письменным столом и в свете укрепленной на стене свечи читал какие-то бумаги. В камине ярко горел огонь. Я склонился в низком поклоне перед могущественным архиепископом, который осмелился восстать против власти Папы и женить короля на Анне Болейн. В прежние дни архиепископ был верным другом и соратником Томаса Кромвеля, и церковные ре-

формы являлись их общим детищем. После падения Кромвеля многие ожидали, что Кранмер разделит его участь. Однако, несмотря на то что процесс реформации повернул вспять, архиепископ сохранил свое высокое положение. Покидая Лондон, король вверил столицу его попечению. Говорили, что король доверял Кранмеру, как никому другому.

Тихим размеренным голосом архиепископ предложил сесть. Прежде мне доводилось видеть его лишь издалека, когда он проносил проповедь. Поэтому я с интересом разглядывал представительную фигуру пастыря, облаченную в белую сутану, поверх которой был накинут меховой палантин. Густые седеющие волосы обрамляли бледное овальное лицо, рот окружали глубокие морщины. Глаза архиепископа, огромные, темно-синие, были особенно примечательны. Во взоре, устремленном на меня, я различил тревогу, мучительные сомнения и тайную игру страстей.

— Итак, вы — Мэтью Шардлейк, — произнес он и, пытаясь меня ободрить, сопроводил свои слова приветливой улыбкой.

— К вашим услугам, милорд архиепископ, — ответил я, опускаясь на жесткий стул напротив своего собеседника.

Массивный серебряный крест, поблескивавший на груди Кранмера, оказался прямо у меня перед глазами.

— Как ваши дела в Линкольнс-Инн? — осведомился архиепископ.

— Хуже, чем прежде, — ответил я после недолгого колебания.

— Для тех, кто прежде служил графу Кромвелю, настали не лучшие времена, — заметил Кранмер.

— Да, милорд, — осторожно кивнул я.

— Мне бы очень хотелось, чтобы его голову наконец сняли с Лондонского моста, — изрек архиепископ. — Всякий раз, проезжая мимо, я смотрю на нее с содроганием. Точнее, на то, что оставили от нее чайки.

— Да, это печальное зрелище.

— Вам наверняка известно, что я посещал его в Тауэре. Я исповедовал его перед казнью. И он рассказал мне о последнем деле, которым вы занимались по его поручению.

Глаза мои полезли на лоб от неожиданности. Несмотря на то что в комнате было тепло, я ощутил, как по спине у меня пробежал холодок. Итак, Кранмер знал обо всем.